Вокзал — небольшое одноэтажное каменное здание, выкрашенное в зеленый цвет. Маленькая железнодорожная станция «Когарлын», построенная специально на развилке дорог. Не помню, как переводится название, но оно связано с цветами. Трудно сказать какие именно это цветы, так как ничего не видно вокруг — поздняя осень, и листва давно покинула деревья, а цветы еще раньше свое отцвели. Яркие краски исчезли — все в серых тонах.

Пасмурно.

Хоть ветер и не назойливый, еле уловимый, но холодный, пронизывающий до костей.

Зябко.

Желающих оказаться на улице, в такое время, очень мало — только по-необходимости.

Из вокзала вышел молодой человек — видно покурить. Но только сделал первую затяжку, как сразу передернул плечами, подняв их кверху, а заодно и воротник плаща, и застегнулся на верхнюю пуговицу. После чего курил безо всякого удовольствия — быстро, как-то урывками и сморщившись. И, наверное, даже не докурив, бросил сигарету в урну и стремительно скрылся за дверью.

Внутри вокзала было тепло. Во-первых, начался отопительный сезон и батареи перестали быть безжизненно ледяными. Во-вторых, помещение оказалось небольшим, а народу, ожидающего своих поездов, набилось достаточно прилично — надышали.

С высоты птичьего полета эта станция напоминала какого-то космического пришельца или спрута со щупальцами-рельсами, тянущимися в разные стороны. Составы двигались с востока на север и с запада на юг, с юга на восток и с севера на запад. Диктор еле-еле успевала объявлять о прибытии новых поездов и об отправлении предыдущих. Не зря же станция «Когарлын» считалась узловой, которую народ называл «Развилка», где ветки дорог паутиной переплетались в сложные узлы и, казалось, запутывались окончательно. Но диспетчеры работу свою знали и выполняли четко, разбираясь во всех этих хитросплетениях. Поезда не застревали и отправлялись строго по расписанию.

Все немногочисленные лавки были заняты пассажирами — одни дремали в ожидании, когда можно будет уехать, другие жевали бутерброды, пирожки, запивая лимонадом или молоком из бумажных

пирамидообразных пакетов. С краю на одной из лавок сидел пожилой таджик. Еще трое таджиков — молодых мужчин изучали расписание поездов, висящее на стене. Три совсем молоденькие таджички разговаривали, стоя в дальнем углу. Их окружали 6—7 детей разного возраста. Двухлетние малыши ползали по полу возле своих мам. А дети постарше — четырех—пяти лет играли в догонялки, пыхтели, бегали между сидящими пассажирами и заливисто громко смеялись.

— Зульфия! Сатар! — несколько раз покрикивали на них молодые мамаши и говорили, что-то по-таджикски.

Дети затихали. Но ненадолго. Это же — дети, и они еще не устали, да и игра не закончилась. Через несколько минут гвалт возобновлялся.

Загромыхала упавшая металлическая урна, стоявшая до того у стены и оказавшаяся на пути пробегавших детей. Мусор рассыпался и разлетелся на несколько метров в разные стороны.

Старик, сидящий на лавке, зашевелился, повернул голову на шум и, ударив палкой об пол, строго сказал:

— Дети, прекратите бегать, вы мешаете людям. Джафар, уйми детей.

От группы таджиков, стоящих возле расписания, отделился молодой человек, схватил пробегавшего ребенка за руку, слегка стукнул ладонью по спине и отвел его к матери в дальний угол.

На грохот вышла дежурная по вокзалу — посмотреть, что происходит. Увидев перевернутую урну, бегающих детей и пожилого мужчину в чалме и национальном полосатом халате, что-то говорившего своим соплеменникам — посчитала его главой семейства и поэтому обратилась к нему:

— Что вы здесь устроили! Безобразие! Пассажиры отдыхают, мы работаем, а вы громыхаете, бегаете, кричите. Скажите своим, чтобы немедленно прекратили. И мусор за собой соберите, а иначе милицию сейчас вызову, и они вас выгонят из вокзала. Приводите все в порядок. Приду, проверю.

И она, развернувшись, пошла к себе.

— Не волнуйся, уважаемая, сейчас все сделаем,— крикнул ей вслед мужчина, поднимая руку.

Он повернулся к молодым людям, наверное, действительно, к своим сыновьям или, скорее всего, к внукам и позвал:

— Саид, подойди.

Подошел красивый молодой мужчина, тоже в халате и тюбетейке на голове.

— Саид, поезд еще не скоро — ночью. Детей угомоните и уклады-

вайте спать. И надо мусор весь собрать обратно в урну, а то дежурная ругается.

Молодой человек почтительно слушал старца, но на словах о мусоре посмотрел на пол, скривился, пожал плечами и махнул рукой:

— Да, ладно.

После чего пошел к женщинам передавать слова отца.

— Джамбек! Фатима! — старик несколько раз пытался позвать своих родственников, но молчание ему было ответом — все семейство таджиков усиленно делало вид, что готовятся ко сну и никто не слышит призывы старшего, а может быть и действительно не слышали.

Пожилой Ахмед перестал звать детей, опустил голову и вспомнил себя ребенком. Когда без спроса взял лепешку раньше отца и старшего брата, за что получил по рукам, был выгнан из хижины во двор и до самого вечера его больше ничем не кормили. И лишь перед самым сном ему дали кусок лаваша и пиалу чая. Он ел и боялся уронить хоть крошку, а потом вылизал с ладони то, что просы́палось.

Но это он был маленький — несмышленыш. А когда стал чуть постарше, отец доверил ему почистить казан, в котором мама собиралась приготовить плов для всей семьи. Отец сказал сходить на речку, отдраить его от гари и копоти, ведь готовить пищу приходилось на открытом огне, и начистить до блеска. Он пошел, как ему было велено, и минут сорок честно пытался привести казан в надлежащий вид — пучками травы, нарванной здесь же с добавлением песка, специальным гладким камнем и шершавой мочалкой. Но этот большой горшок никак не хотел становиться чище — результаты усилий проступали чрезвычайно медленно и видны были слабо. Проковырявшись еще некоторое время, он так и не смог довести его до блеска.

Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

Откинулся на траву обессиленный, разбросав руки в разные сто-

роны. Все тело ломило от физического труда.

Утреннее солнце пригревало и расслабляло. Ахмед не заметил, как задремал. Сколько он спал, не знает, но проснулся от шума и смеха ребятни, пришедшей на речку. Здесь были и таджики, и узбеки, и русские — и местные жители, и приехавшие погостить к родственникам на каникулы ребята из других республик — о чем свидетель ствовала более светлая, не успевшая еще загореть, кожа.

— Ахмед, пошли с нами купаться и блюдца пускать, — позвали его пришедшие, заметив, что он приподнялся над травой.

Спина и руки болели от напряжения, пальцы не слушались.

Он вспомнил, чем занимался. Спросонья посмотрел на казан, валяющийся рядом. Решил, что закончит с ним позже, и побежал играть с ребятами.

Игра, как известно, затягивает, и счет времени теряешь напрочь.

Ахмед опомнился лишь тогда, когда услышал, что его несколько раз позвали по имени. На берегу стоял старший брат Фархад, в руках державший злополучный казан.

Всю обратную дорогу шли в полном молчании. Когда они возвратились, остальные братья и сестры встретили тоже молча.

Надолго он запомнил сжатые губы и укоризненный взгляд своей сестры Алтынай — «Серебряный месяц», которая всегда приходила на помощь и защищала его, как тигрица, когда он был совсем маленьким. А плач самой младшей сестренки Гюльнары до сих пор стоит в ушах. Она не понимала, что происходит. Она просто хотела есть.

Отец тогда сказал очень тихо и грустно:

— Ты не выполнил, что тебе поручил старший. Ты — не уважаешь старших. Ты не уважаешь своих братьев и сестер — оставил их голодными, в угоду своим играм. Значит, сам себя не уважаешь. И если не переменишь свое отношение к людям и к порученным тебе делам — окружающие перестанут уважать тебя.

И все. Больше никто ничего не сказал и не ругал его. Ахмед стоял перед отцом, слушал. Губы его тряслись, по щекам в два ручья текли слезы. Ему было обидно, что он старался, у него болела спина, плечи, пальцы оказались содраны в кровь, а этот казан никак не хотел очищаться. Его никто не жалеет, даже Алтынай. Но ведь и не ругают, хотя он понимает, что ослушался и оставил всех без еды. Хоть бы накричали или лучше побили — легче было бы. А так только горше в сто раз от своей никчемности.

Уже позже, с годами, пришло осознание, что старшие не нагружают

молодых работой, которую они не могут выполнить, а учат усидчивости, терпению и почтительному отношению к старикам, которые не брюзжат, а передают свои знания, умения и культуру своего народа детям и внукам с самого рождения.

Через пару часов мама все-таки приготовила плов, о чем сообщал характерный запах, разнесшийся по всему двору. Сели есть. Его не позвали, хотя никто и не запрещал. Но после произошедшего Ахмед сам не смог сесть в круг к братьям и сестрам. Он видел, что мать искоса поглядывала в его сторону, но не звала.

Когда все поели, к нему, сидящему в глубине двора у забора, сложенного из валунов, подошел отец. Протянул большой кусок черного хлеба и сказал:

— Посмотри, может там, что и осталось.

И ушел.

Остальные тоже куда-то разбрелись.

Очень хотелось есть. В животе урчало так, что все соседские собаки, услышав этот рык, наверное, разбежались бы, подумав, что появился какой-то неизвестный зверь.

Медленно, на негнущихся ногах Ахмед подошел к тому месту, где ело его семейство, и заглянул в казан. От плова мало что осталось: лишь название и запах, который еще не успел выветриться. Правда, на стенках котла виднелись крупинки риса и даже волокна мяса можно было заметить. На дне мальчик увидел свое отражение от накопившегося бараньего жира и сока от морковки, кураги и лука. Он макал в жирную лужицу кусок хлеба, который дал ему отец, соскребал со стенок остатки пищи и отправлял в рот, почти не прожевывая, а заглатывая. Такого вкусного хлеба ему есть еще не доводилось.

После того как хлеб был съеден, а на это ушло всего-то несколько минут, паренек взвалил себе на плечо грязный казан, потащил его на речку и не вернулся оттуда до тех пор, пока тот не засверкал первозданным блеском.

На всю жизнь он запомнил эти события и слова отца, сказанные тихим голосом.

Потом началась Вторая мировая война. В 1943 году его призвали в армию и отправили на фронт. Воевал достойно, о чем свидетельствуют боевые награды — девять медалей и орден Красной Звезды. Это, когда командира роты убило, он принял командование на себя и с минимальными потерями вывел бойцов из окружения, предварительно в течение су-

ток удерживая занятую высотку, давая возможность основным войскам укрепиться на своих позициях. Закончил войну в двадцать лет в звании сержанта. Дважды был ранен, но возвращался в строй. Сам маршал Рокоссовский лично приезжал для вручения награды. Хотел посмотреть и пожать руку молодому командиру, который не растерялся в трудной ситуации, удерживал высоту не в течение хотя бы шести часов, как просило командование, а почти сутки — до последнего снаряда. И когда два оставшихся орудия оказались разбиты, а противник все напирал, усиливая свою мощь, сержант Ахмед Садыков под утро смог увести людей от неминуемой гибели. Используя свое природное чутье, он вывел почти всех бойцов оставшихся практически без боеприпасов из сжимающегося кольца врагов. Снискал заслуженное уважение своих однополчан, а после войны — и односельчан, когда восстанавливал страну после разрухи и старался всегда быть в первых рядах.

Много что с тех пор изменилось: дети давно выросли, страна стала другая, молодежь уезжает в города и другие государства, рушатся устои и взаимосвязь поколений. Не те нынче нравы, нет должного почитания и послушания. Внуки и правнуки хотят жить и уже живут по-другому.

Пожилой мужчина тряхнул головой, отрываясь от воспоминаний, с усилием поднялся, опираясь на костыль и, очень медленно, направился в сторону рассыпавшегося мусора. Крепко держась за палку, он с большим трудом присел на корточки — болели старые раны,— затем опустился на колени и ползал по полу, собирая бумажки, окурки, огрызки и шелуху от семечек.

— Мама, а что там дедушка делает? — указывая на бородатого мужчину в национальном халате, спросила маленькая девочка, сидящая рядом с женщиной на лавочке. Та посмотрела на таджика в преклонном возрасте, копошащегося в мусоре, и ответила:

— Он, наверное, что-то уронил, а теперь ищет.

Снова вышла женщина в синей форме — дежурная по вокзалу, увидев через стеклянную перегородку старика, ползающего на коленях.

— Ну, что же вы делаете? Зачем же так?

— Дочка, ты не ругайся и не волнуйся, пожалуйста. Я подобрал весь мусор. Уважаемая, не надо милицию. Не прогоняй нас на улицу. Там очень холодно — сильный ветер. Правнуки замерзнут. Они ведь еще несмышленыши — не знают, что творят. Шалят. Дети совсем.

— Да, что вы такое говорите! Зачем же вы, пожилой человек, ползали? Завтра утром уборщица придет и все убрала бы. Или, в крайнем случае, попросили бы своих родственников. Зачем сами-то в таком возрасте?

Женщина помогла старику подняться с колен и повела того к лавочке.

— Да я, просил… Никто не захотел. Не то нынче поколение. Дети еще слушались старших, а внуки — совершенно другие,— с сожалением констатировал мужчина.

— У меня у самой внуки такие же,— поддержала разговор дежурная.— Любят пошалить, нашкодничать.

— У нас поезд в два часа ночи,— стал объяснять таджик.— Нам бы здесь переждать, и мы уедем.

— Да не волнуйтесь так. Сидите сколько нужно. И милицию я не собиралась вызывать. Это я так, для острастки сказала,— призналась женщина,— чтобы не шумели слишком сильно — не мешали работать. Отдыхайте.

И она ушла к себе.

Пожилой таджик, Ахмед Садыков, посмотрел на своих родственников, расположившихся в углу вокзала, уперся обеими руками в костыль и, положив на них подбородок, с горечью подумал: «Рушатся устои. Нет уважения и послушания. Куда катится общество? Да, другие времена — другие нравы…»